

Ольсевич Ю. Социология Питирима Сорокина и экономические трансформации. / Вопросы экономики, 1999, № 11. – С. 63-81.

СОЦИОЛОГИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ю. Ольсевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭ РАН

*"Я никогда не забуду эти лица в обезумевшей толпе.
Они потеряли все человеческое, укрепив в себе лишь звериное начало.
Толпа ревела, угрожала, потрясала кулаками...
Сквозь этот гром голосов я прокричал:
"Неужели моя смерть даст вам землю
или наполнит ваши пустые желудки?"*
Питирим Сорокин. Бойня: революция 1917 года.

*"Ты видишь, что дурное управленье
Виной тому, что мир такой плохой,
А не природы вашей извращенье".*
Данте Алигьери. Божественная комедия. Ч. XVI, 103.

Есть два типа общественной науки (и два типа ученых) - наука (ученые) штиля и наука (ученые) шторма. Первая изучает объект в состоянии относительного равновесия, в ходе спокойных, медленных эволюционных изменений. Вторая имеет дело с эпохой, когда разломы обнаруживают скрытые структуры, когда обнажаются корни общественных систем.

Ученые штиля концентрируют внимание на обмене веществ в системе, ее функционировании, роли в ее эволюции инкрементных, маргинальных изменений. Ученые шторма исследуют прежде всего структуру общества, ее противоречия, причины кардинальных сдвигов в ее основах.

Питирим Сорокин - один из самых крупных представителей науки второго типа. Он - теоретик Великой русской и Всемирной цивилизационной революции XX в. И вовсе не потому, что он был революционером. Совсем наоборот - вряд ли кто-либо ненавидел революцию больше него. Но в то время, как одни интеллектуалы восхваляли революцию, а другие - проклинали, он сделал ее объектом строгого научного анализа. Этот анализ дает многое для понимания глубинных основ человеческого поведения и механизмов трансформации социально-экономических систем.

Инстинкты и революции:

императивы для реформаторов

Известный историк экономической мысли Б. Селигмен отметил: "Экономическая наука не может существовать без понятия о человеке, о психологии. До сих пор это остается одной из самых острых проблем экономической науки". Данный вывод был сделан Селигменом три с половиной десятилетия назад, но воз и ныне там. Проблема психологической основы экономической теории вообще не может быть научно решена на

базе субъективно-описательной психологии. Сам Селигмен в своей книге привел более полудюжины противоречащих друг другу психологических моделей поведения экономических агентов, а к настоящему времени их число еще более возросло. Что ж, классифицировать, описывать и трактовать поведение различных субъектов рынка - занятие полезное, особенно нужное тем, кто манипулирует этим поведением в собственных целях. Однако, когда сотрясается сам фундамент экономической системы и накапливается негативная массовая энергия, готовая ее снова взорвать, на авансцену выходят вопросы иной глубины и масштаба. Именно такой период вновь переживает Россия, и не только она.

Восемь десятилетий назад, когда Россия оказалась в эпицентре мирового революционного разлома, она обладала мощными национальными школами в важнейших областях фундаментальной науки - физиологии, физике, математике, социологии, экономике и других. Питирим Сорокин - ученик и помощник великого русского социолога, академика М. Ковалевского, ученик и коллега нобелевского лауреата 1904 г., физиолога и психолога академика И. Павлова и основателя рефлексологии и социальной психологии профессора Вл. Бехтерева.

Синтезируя достижения российской социологии (опиравшейся, в свою очередь, на успехи истории, этнографии и философии), с одной стороны, и результаты, полученные учеными Психоневрологического института, созданного Бехтеревым, - с другой, П. Сорокин разработал концепцию, объясняющую общие основы человеческого поведения. В дальнейшем один из крупнейших экономистов России XX в. Н.Д. Кондратьев использовал ее в качестве отправного пункта при построении своей теории экономической статистики, динамики и генетики.

Сорокин пришел к выводу, что человеческое поведение базируется на психофизических механизмах рефлекторного типа, а жизнь общества есть "бесконечная цепная реакция акций - реакций, взаимодействие которых лежит в основе исторического процесса". При этом интегрирующим моментом выступает коллективный рефлекс. Так что механизмы акции - реакции действуют не только на индивидуальном, но и на групповом и общественном уровне.

Общество движется по схеме: нормальное развитие - революция - нормальное развитие. Однако революции - это вовсе не "локомotive истории", а разрушительные взрывы, представляющие собой реакцию общества на нарушение им самим психофизических основ собственной жизнедеятельности. Сорокин решительно подчеркивает, что главной причиной и непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было усиливающееся подавление базовых инстинктов большинства населения.

К числу этих базовых инстинктов относятся: пищеварительный; собственнический; инстинкт самосохранения (как индивидуального, так и коллективного); половой; инстинкт свободы; инстинкт самовыражения унаследованных способностей. Иначе говоря, голод и обнищание, страх и принуждение, невозможность создать семью и найти занятие по способностям - таковы главные "пусковые пружины" революции. Сказанное сразу же порождает ряд вопросов.

Прежде всего, нет ли здесь "редукционизма", попытки сведения общественных явлений к физиологическим? Во-первых, заметим, что у Сорокина в данной связи речь идет о психофизических основах поведения людей, а не об общественном механизме в целом, к чему мы еще вернемся. Во-вторых, нелишне указать, что как отдельному человеку, так и всему обществу свойственно представлять себя более "продвинутым" на пути

социального прогресса, чем об этом свидетельствуют реальная история вообще и история XX в. в частности.

Далее, не стирается ли при таком подходе грань между поведением животных и поведением человека, который может действовать не только импульсивно, но и сознательно, учитывать перспективу, не ограничиваясь сиюминутной потребностью, способен даже к самопожертвованию? В инстинктах многих животных заложена ориентация на обеспечение перспективных потребностей: белки, мыши, пчелы создают запасы корма; птицы и рыбы "знают" многотысячекилометровые маршруты к местам гнездовья и нереста и т.д. И на самопожертвование также способны те животные, у которых инстинкт коллективного самосохранения действует сильнее индивидуального. Да, в отличие от животных человек может действовать сознательно. Но вопрос в том, направлены ли эти действия против инстинктов или же на их реализацию?

Инстинкты - сложные комплексы рефлексов, унаследованных или приобретенных, "автоматически" отражающих потребность организма и ориентирующих последний на ее удовлетворение. Потребности, а следовательно, и инстинкты, могут "конкурировать" друг с другом, подавлять друг друга, и здесь велика роль сознательной воли в выборе приоритетов. Но тем самым сознание лишь выбирает, какому господину служить в первую очередь. А не может ли сознание подавить все инстинкты? Может. Об этом свидетельствуют мощи в подземных кельях Киево-Печерской лавры.

Не все сознательные действия преднамеренны. Если человек исходя из своих потребностей намечает цель и идет к ней, но затем, движимый голодом или страхом, поворачивает и бежит в обратном направлении, то его бегство является вполне сознательным, хотя и непреднамеренным.

В нормальных "цивилизованных" условиях человек сознательно учитывает и реализует свои потребности, и связь между отдельными инстинктами и конкретными поступками чаще всего не очевидна. Инстинкты находятся как бы в латентном, дремлющем состоянии, образуя общий психологический фон и рамки для сознательных действий. Но стоит хотя бы одной важной потребности остаться неудовлетворенной в привычных размерах, как инстинкты пробуждаются и нервная система приходит в состояние направленного напряжения.

Подавление базовых инстинктов в результате невозможности удовлетворять существенные потребности массы населения и создает непосредственные предпосылки революции. Можно спросить: связь между неудовлетворенными потребностями и революцией очевидна, что же нового открыл здесь Сорокин?

Новым и, на наш взгляд, до сих пор не оцененным по достоинству открытием является то, что революция предполагает глубокий и устойчивый сдвиг в психофизических основах поведения масс, за которым следует цепной процесс структурных изменений в механизмах взаимодействия базовых инстинктов, индивидуальных и коллективных, имеющий разрушительные последствия для общества вообще и его экономики в частности (этот процесс по имени открывателя можно было бы назвать "сорокинским"). Революционное общество, таким образом, характеризуется особыми психофизическими законами и деструктивной энергией, которая скрытно накапливается, а затем дает старт кумулятивной цепной реакции. Дело в том, что разрушительные процессы в обществе и хозяйстве, раз начавшись, ведут вовсе не к устранению вызвавших их причин, а ко все большему принудительному ограничению потребностей и подавлению базовых инстинктов, последнее же "биологизирует" массовое поведение, делает его (до

момента энергетического истощения) все более агрессивным.

Разрушительную энергию революции можно использовать в определенных интересах, можно направлять, но вряд ли можно "регулировать"; те, кто открыл ей путь, изопьют чашу до дна. Недаром замечено, что революции - чудовища, пожирающие своих детей. И не только своих.

Теперь мы переходим к теоретическим выводам Сорокина, которые представляют для современной России огромный практический интерес. Раскрывая разрушительный потенциал революции, Сорокин видел альтернативу вовсе не в сохранении статус-кво, а в реформах. Однако, подчеркнем, сами реформы несут в себе опасность скатывания к революции, если они нарушают психофизический базис общества, систему его коллективных рефлексов.

Чтобы этого избежать, реформы должны отвечать ряду фундаментальных императивов. Прежде всего "реформы не должны попирать человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам". Далее, "тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования". Кроме того, "каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе". Наконец, "реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными методами".

Тем самым Сорокин сформулировал четыре канона эволюционных реформ, "попирание которых делает каждую попытку социальной реконструкции тщетной", и четко противопоставил им реформы революционные. "Подобным канонам люди следуют, возводя мосты или при разведении скота. Но увы, очень часто считается, что при реконструкции общества нет необходимости следовать этим канонам. Несведущий человек зачастую становится лидером революционных реформ... Эти "революционные методы" приводят к провалам в революционных реконструкциях, а появление жертв становится обыденным явлением".

С точки зрения вышеприведенных критериев "шоковые" экономические реформы в современной России являются, скорее, революционными, чем эволюционными.

Несомненно, они деструктивно затронули психофизическую основу общества. Вопрос в том, насколько глубоко, и не начались ли здесь кумулятивные "сорокинские" процессы (на этом мы остановимся в конце статьи).

Краткое отступление: экономисты о роли инстинктов

Быть может, вопрос о глубинных психофизических основах человеческого поведения имеет значение только для понимания периодов революционной ломки сложившихся экономических систем и не является существенным для разработки теории их функционирования и эволюции? Уместно вспомнить, что вся экономическая теория А. Смита строилась на выделении им двух человеческих инстинктов - максимизации благосостояния и обмена. Если первый присущ не только людям, то второй, по А. Смигу, характеризует именно человеческое поведение. Первый из них нобелевский лауреат М. Фридмен считает "одним из самых основных инстинктов, свойственных всем людям", причем он ссылается на то, что "Адам Смит определяет его как "постоянное, непрерывное и непрекращающееся стремление каждого человека улучшить свое положение" и, добавим, положение его детей и потомков.

Любопытно, что противоположную позицию занимает другой известный теоретик либерализма Ф. Хайек, согласно которому природные инстинкты носят

преимущественно "коллективистский" характер и поэтому деструктивны по отношению к частной собственности и основанному на ней рыночному механизму. Последний базируется не на природных инстинктах, а на достижениях цивилизации. Природные же инстинкты проявляются лишь в революционных попытках уравнилельного перераспределения собственности и доходов, установления централизованного контроля, которые способны только разрушить естественное развитие цивилизации. В целом можно констатировать, что экономическую науку нельзя упрекнуть в игнорировании психофизических основ поведения людей в сфере их хозяйственной деятельности. Но к ней действительно следует предъявить претензии по двум пунктам. Во-первых, экономисты, как правило, произвольно интерпретируют человеческие инстинкты, выбирая из них только те, которые соответствуют определенной теоретической конструкции. Во-вторых, их обычно не интересует сложный социально-психологический "передаточно-преобразующий" механизм, трансформирующий исходные импульсы в реальные мотивации. Так, неоклассическая теория выбора опирается на инстинкт "максимизации благосостояния", что предполагает, как отметил Р. Коуз, общее поведение людей и животных. Иной акцент в трактовке инстинктивного поведения мы находим у Дж. М. Кейнса. Хозяйственный агент не способен анализировать прошлое и потому не в состоянии предвидеть будущее. В оценках будущего он исходит из настоящего, в результате ошибается и склонен к панике. "Ведь в действительности неясные панические страхи и равным образом смутные и необдуманные надежды никогда не успокаиваются и лежат под самой поверхностью". При этом реакции индивидов не уравнивают друг друга, а носят однонаправленный коллективный характер. "Психология сообщества индивидов, каждый из которых стремится копировать остальных, обуславливает выработку того, что мы можем назвать общепринятым суждением". Иначе говоря, "общепринятые суждения" в условиях перманентной хозяйственной неопределенности - не что иное, как коллективные рефлексy. Эти положения являются исходными в трактовке Кейнсом сущности денег и процента. "...Основанное частично на разуме, частично на инстинктах наше желание держать деньги в качестве хранилища богатства является барометром степени нашего недоверия к собственным расчетам и соглашениям относительно будущего. Даже если это ощущение денег само является общепринятым или инстинктивным, оно "работает", так сказать, на более глубоких уровнях нашей мотивации". Таким образом, можно заключить, что кейнсианский вывод относительно неустойчивости рыночной системы базируется на предположении о преобладании коллективных инстинктивных реакций над рациональными расчетами и на выделении инстинктов самосохранения и присвоения в качестве определяющих в экономическом поведении индивидов. Основоположник институционализма Т. Веблен построил свою теорию на противопоставлении "инстинкта мастерства", свойственного одной части хозяйственных агентов (инженеры), "хищническому инстинкту" другой их части (бизнесмены). Эти инстинкты сложились, по Веблену, во времена мирной дикости (созидательный инстинкт мастерства) и разбойного варварства (разрушительный хищнический инстинкт). В современных условиях противостояние социальных слоев, выступающих преимущественно носителями указанных инстинктов, проявляется в борьбе инженерно-технократического корпуса и финансового капитала за доминирование и власть в обществе. В перспективе, согласно Веблену, победить должны носители

"инстинкта мастерства" .

Следует отметить, что Питирим Сорокин весьма критически относился к попыткам многих теоретиков, в том числе Т. Веблепа, непосредственно вывести структуру общества и человеческое поведение из психофизических свойств человека.

Одновременно он неоднократно одобрительно ссылаясь на труды видного экономиста и социолога В. Парето, что побуждает несколько подробнее остановиться на подходах последнего .

Парето выделил шесть групп человеческих инстинктов, составляющих иррациональные основы человеческих действий: производительные; выражающие отношение к людям и вещам; самовыражения (например, религиозный); общественные (например, самопожертвования); самосохранения; половые. Что касается рационального аспекта человеческих действий, то он сводится к стремлению осмысливать инстинкты и объяснять их взаимосвязью свои поступки. Критики Парето обвиняли его в том, что он "нигде не дал настоящего анализа природы инстинктов, как того требует генетический метод" . По существу, а своей концепции инстинктов Парето попытался объединить психофизические свойства человека и социокультурные нормы его поведения, что и вызвало одобрительное отношение Сорокина.

Можно согласиться с тем, что концепция инстинктов Парето представляла гипотезу, основанную, скорее, на историческом и социокультурном опыте, чем на данных психологии. Однако ее реалистичность состояла в учете сложной системности базовых человеческих мотиваций. Понимание этой сложности помогло Парето формально преодолеть тот тупик, в который завели экономическую теорию утилитаризм и гедонизм кардиналистской теории полезности, и разработать ординалистскую теорию ценности и понятие рыночного оптимума.

И тем не менее осмысление реальной сложности мотивов человеческого поведения до сих пор остается за рамками возможностей современной экономической теории, что подрывает ее аналитическую и прогностическую ценность. Это тем более верно, когда речь идет о роли мотиваций в процессах экономической трансформации и о трансформации самих мотиваций.

Национальная психология -неучтенные "грабли"

Великая многонациональная Россия - уникальное явление в мировой истории. Нет другого примера, чтобы десятки столь разных народов, живя каждый своей отдельной жизнью, в то же время составляли единую нацию. И в мировое сообщество Россия может войти, подобно другим странам, прежде всего как организм с особыми национальными интересами и спецификой. Наступив на "грабли" проигнорированных ими национальных интересов и психологии, российские либерал-реформаторы на собственных лбах ощутили ту простую истину, что эти интересы и психология являются важным фактором как политической, так и экономической трансформации.

На первый взгляд Питирим Сорокин категорически отвергает само существование специфического национального фактора. Со свойственной ему парадоксальностью мышления он ставит под сомнение даже очевидный факт наличия наций и национальностей как особых общностей. Но если вдуматься в его аргументацию, то становится ясно, что именно она и дает ключ к решению проблемы.

Данная аргументация состоит в том, что ни один из выдвигаемых в литературе признаков нации (и национальности - Сорокин не проводит различия между этими

понятиями) сам по себе не характеризует ее как группу людей, объединенных определенной связью. Таковой не может служить, как показывает Сорокин, ни единство крови (расы) и языка, ни общность экономических интересов и исторических судеб, ни единство мировоззрения. Не может ею являться и психологическое осознание принадлежности к какой-либо организации - государству, церкви и т.д.

С такой аргументацией следует согласиться, ибо любая форма взаимодействия людей включает в себе силы как притяжения, так и отталкивания. Сорокин исследовал этот вопрос в эпоху глубокого национального раскола, когда явно возобладали силы социального - межклассового и межгруппового - отталкивания, а национальная общность в повседневной жизни превратилась в некий бесплотный призрак. Вот почему весьма прагматично выглядит и следующее его категорическое заключение: "Вывод гласит: национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела". Иначе говоря, если разорвать экономическое, политическое, идеологическое единство, территориальную общность, то нация перестанет существовать, ибо особой национальной связи нет. Поэтому, к примеру, нет и польской нации.

Просто отвергнуть такой вывод нельзя, поскольку нации действительно формируются на базе разнородных связей и по своей природе не вечны. Но все же, как показывает история, они гораздо более долговечны, чем экономические системы, классы, идеологии и государства (хотя и менее живучи, чем мировые религии). То, что потенциал национального единства способен сохраняться вопреки фактическому разрыву конкретных форм национальных связей, заставляет искать основу этого единства на более глубоком, психофизическом уровне. Причем искать, опираясь на методологию самого Сорокина.

Для понимания сил, создающих и разрушающих национальную общность, необходимо, на наш взгляд, вернуться к теории инстинктов. Выше было названо только ограниченное число базовых инстинктов, на самом деле их круг намного шире и разнообразнее.

Базовые инстинкты можно условно разделить на три группы. Первая группа - инстинкты индивидуального выживания (пищеварительный, продолжения рода, самосохранения, собственности, охотничий, агрессии). Вторая - инстинкты индивидуального развития (свободы, целесообразности, состоятельности, игры, самовыражения, любознательности). Наконец, третья группа - "социальные" инстинкты, под которыми в данном случае понимаются психические реакции, выражающие потребность человека в коллективном существовании (сострадания, сотрудничества, подражания, стадный, иерархии). Особенность инстинктов последней группы состоит в том, что их действие способно превратить сугубо индивидуальную реакцию отдельного члена коллектива на какое-либо раздражение (например, возмущение несвободой, испуг или агрессию) в коллективный рефлекс, когда все члены коллектива реагируют единообразно и одновременно.

Как видно из сказанного, психика человека (и многих видов высших животных) является ареной взаимодействия весьма сложной системы противоречивых инстинктов. Если бы действовал только механизм врожденных инстинктов, то конкретные поступки определялись бы влиянием на психику того из них, который проявляется с наибольшей силой в данный момент, поскольку именно тогда он наиболее возбужден внутренней потребностью и наиболее подавлен внешним ограничением. В экстремальных

ситуациях голода, паники, противостояния стихии или агрессии так и происходит, и индивидуальные и коллективные действия людей всех наций практически одинаковы. Однако в нормальных условиях подобного прямого и единообразного проявления врожденных инстинктов в действиях людей не наблюдается.

Выше мы упрощенно предположили, что такие проявления регулируются сознанием. При этом были опущены целых два опосредующих слоя человеческой психологии. Один из них, относительно инертный, формируется путем передачи детям опыта взрослых поколений через пример и внушение. Другой, более поверхностный и поэтому более подвижный, складывается как совокупность привычек, приобретаемых уже в старшем возрасте.

Первый опосредующий слой создается запечатленными в подсознании образами и понятиями, в совокупности выступающими как код, "автоматически" оценивающий, упорядочивающий и регулирующий проявления врожденных инстинктов. Но откуда берется этот код, призванный регулировать поведение? Конечно, из многовекового опыта данного народа в области семейного быта, хозяйства, властных отношений, религии и других сфер деятельности, концентрированно выраженных в нормах обыденной и религиозной этики, образах и сюжетах народной культуры. Сорокин прав, когда показывает, что выведение понятия нации из общности людей в одной или нескольких из перечисленных сфер деятельности позволяет "разложить" его на составляющие и тем самым доказать, что как самостоятельное данное понятие не существует.

Что именно "впечатывается" в восприимчивую память ребенка "с молоком матери"? Прежде всего представления о добре и зле, о пользе и вреде, о том, чего следует бояться и что любить, как можно и как нельзя удовлетворять свои потребности, как относиться к окружающим людям и природе и т.д. Иначе говоря, в подсознание ребенка внедряется код регулирования природных инстинктов, которыми руководствуются окружающие его взрослые, - некая система этики, где составные элементы жизненного уклада представлены в переработанном, интегрированном виде. Следовательно, национальную общность ни "слагать" из элементов, ни "разлагать" на них нельзя, как нельзя "сложить" живой организм из кислорода, водорода, углерода, кальция или "разложить" на них. История показывает, что попытки "слить" разные нации в едином государстве посредством создания экономической, политической, культурной, религиозной общности чаще всего кончаются провалом. И таков же в конечном счете результат разделения наций в ходе гражданских войн и установления государственных границ: нации снова и снова возрождаются в своей целостности и относительной обособленности. Сорокин не дал объяснения этому феномену, но указал на несостоятельность существовавших "поэлементных" теоретических подходов. Получается, что национальная общность - некий "неуловимый дух", который нельзя "пощупать"? "Пощупать" нельзя, но он реализуется в истории как ее главный фактор. Да и сам по себе этот "дух" имеет вполне материальную основу в виде особого пласта высшей нервной деятельности, в котором укореняются как конструктивные подсознательные условные рефлексy (национальное самолюбие, комплиментарность), так и болезненные (ностальгия, ксенофобия).

Самостоятельная, не редуцируемая ни к какой иной сущности национальной общности людей состоит прежде всего в том, что она есть специфическая совокупность реальных этических норм, преобразованно отражающих переплетение вековых жизненных

процессов данного народа, концентрированно запечатленная в подсознании человека. Эта общность проявляется в специфике психических реакций - индивиду-альных и коллективных - на различные жизненные ситуации.

Итак, главное - специфичность подобного переплетения, взаимодействия, которая должна быть объяснена вначале исходя из пред-ыстории конкретной нации. Природа живого организма определяется его происхождением, а не элементарным составом; рисунок ковра нельзя понять, изучая цвет и качество нитей. Национальная общность отдельных народов Западной Европы складывалась практически из одних и тех же элементов, но в различном сочетании и по-разному взаимодействовавших. Как следствие - заметные различия в нормах поведения у шведа и француза, англичанина и немца. Другая причина самостоятельности понятия национальной общности заключается в том, что ее код "записан" в подсознании и не может быть стерт текущими событиями. Только коренное изменение в основах жизни нации на протяжении ряда поколений может внести в этот код кардинальные изменения. Когда А. Жданов произнес в 1948 г. свою знаменитую фразу - "уже и Русь у нас не та, и мы, русские, не те", - то первая ее часть была столь же близка к истине, сколь далека от нее была вторая. Тем более, будучи внедрен в детстве, код не может быть вытравлен на протяжении жизни отдельного человека, где бы он ни жил в дальнейшем и какие бы привычки ни усваивал.

Важно также уяснить, что понятие "общность" применительно к нации не обязательно означает комплиментарность, взаимную симпа-тию принадлежащих к ней людей. Скажем, рабочие одной страны мо-гут гораздо лучше относиться к рабочим другой страны, чем к отече-ственным предпринимателям. И тем не менее в подсознании запечат-лен тот факт, что "свои" предприниматели и рабочие - части единого жизненного уклада, тогда как иностранные "братья по классу" - нечто внешнее по отношению к нему. Психологически национальная общность есть подсознательная привязанность людей к определенно-му вековому жизненному укладу как целому, даже если они осознают все изъяны "этой страны" и не распространяют свою привязан-ность на всех носителей данного уклада и на все его стороны.

Интегральное понятие "национальная общность" логически предшествует понятиям "национальная потребность", "национальный ин-терес", которые относятся к конкретным сферам жизнедеятельности нации - экономике, политике, культуре и др. Отсюда следует, что "национальная идея" всегда выражает главные интересы нации на определенном историческом этапе с точки зрения ее сплочения и самобытного развития в мировой системе наций.

В какой мере в современных российских реформах отразилась специфика национального менталитета? Иными словами, нет ли в особенностях российской национальной психологии таких элемен-тов, которые толкают к нарушению общенациональных интересов са-мого же российского многонационального этноса?

Два нобелевских лауреата о российском менталитете:
прозрение или ошибка?

Один лауреат - это писатель Иван Бунин. В своих дневниковых записях "Окаянные дни" (1917-1918 гг.), представляющих, по суще-ству, социально-психологическое исследование, он отметил: "Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом - Чудь, Меря. Но и в том, и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, "шаткость", как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: "из нас, как из дерева, - и

дубина, и икона", - в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев".

Бунин пишет об "ужасно присущей нам беспечности, легкомысленности, непривычке и нежелании быть серьезными в самые серьезные моменты... Беспечно, спустя рукава, даже празднично отнеслась вся Россия к началу революции..." . И в другом месте: "Ключевский отмечает чрезвычайную "повторяемость" русской истории. К великому несчастью, на эту "повторяемость" никто и ухом не повел. "Освободительное движение" творилось с легкомыслием изумительным, с непременным, обязательным оптимизмом..." . О психологии самих представителей "освободительного движения" Бунин говорит словами Герцена: "И тысячу раз прав был Герцен: "Мы глубоко распались с существующим... Мы блажим, не хотим знать действительности, мы постоянно раздражаем себя мечтами... Беда наша в расторжении жизни теоретической и практической..." .

Другой лауреат, физиолог и психолог Иван Павлов, в 1932 г. сформулировал свою мысль весьма определенно: "Должен высказать свой печальный взгляд на русского человека, он имеет такую слабую мозговую систему, что не способен воспринимать действительность как таковую. Для него существуют только слова. Его условные рефлексy координированы не с действиями, а со словами" .

Из приведенных высказываний Бунин;», Павлова, Герцена напрашивается вывод, что типичный россиянин - всего лишь податливый материал для обработки, что нет у него самостоятельного стержня. Но откуда тогда "чрезвычайная повторяемость истории"? Уж не из того ли, что святые, мыслители и вожди обрабатывают россиянина последовательно то под икону, то под дубину? А может, такой стержень у него все же есть?

В тех случаях, когда Бунин старается сблизить социальную психологию россиян со всей российской историей, а не только с ее "окаянными годами", он дает не столь пессимистические оценки. "В том-то и дело, что всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности. Спокон веку были "разбойнички" муромские, брынские, саратовские, бегуны, шатуны, бунтари против всех и вся, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, сеятели всяческих лжей, несбыточных надежд и свар. Русь - классическая страна буяна. Был и святой человек, был и строитель высокой, хотя и жестокой крепости. Но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с буяном, разрушителем, со всякой крамолой, сварой, кровавой "неурядицей и нелепицей"!" .

Здесь речь идет уже не о податливом "дереве" и не о "слабости мозга", а о двух борющихся весьма определенных и жестких психических укладах народа: буяна-разрушителя и святого-созидателя. Однако общей характеристики психологии российской нации опять не получается. Поэтому попытаемся обратиться к истории. Специфику российской национальной общности, а тем самым и национальной психологии можно объяснить "отложением" и "переплетением" в подсознании населения ряда процессов, в том числе:

- многовековым освоением диких и полудиких лесных пространств в долинах верхней Волги и Оки в условиях суровой зимы и короткого лета;
- укоренением православия, его борьбой с язычеством, католичеством, расколом и сосуществованием с исламом;
- двумя с половиной веками татаро-монгольского господства;

- тремя с половиной веками крепостничества, пятью веками самодержавия и диктатуры и их борьбы с "беглыми", казаками, расколом, "вольницей", "классовыми врагами", "оппозицией";

- длительной историей сельской общины, а также патриархальных и коллективистских форм хозяйствования и быта;

- пятью веками расширения территории и включения (как мирного, так и насильственного) в орбиту влияния и тесного взаимодействия многих разнородных этносов от Балтики и Карпат до Тихого океана.

Заметим, что мы не упоминаем о разнообразных войнах, ибо воевали все народы, и воинственность - не специфическая, а общая черта характера всех крупных наций. Что же касается специфики российской психологии, то она может быть описана неповторимым сочетанием таких черт, как: долготерпение и упорство в соединении с неприятием монотонно-ритмичных нагрузок; предпочтение коллективно-авральные методов труда; широкая этническая терпимость в соединении с резким отторжением "неправильных" религий и идеологий; покровительственное отношение к другим этносам; формирование связей между людьми на основе не законов, а силы, соглашений (соборности) и традиций; противопоставление закона и справедливости; отчуждение от власти при одновременном расчете на ее помощь и покровительство. Отсутствует уважение к правам личности и правам собственности со стороны как власти, так и граждан. Обостренное чувство справедливости и сострадания уживается с приятием иерархии, зависимости и насилия. Не рациональность и деловитость вызывают восхищение у типичного россиянина, а размах, риск и везение. Склонность к огульному априорному недоверию сочетается со столь же априорной наивной верой - в лидеров, концепции, светлое будущее. Россиянин - будь то угнетенный страдотерпец, воин или же купец, герой или злодей, властитель или бунтарь - как правило, человек, в характере которого больше "среднемировой нормы" романтики и рефлексии и явно меньше "нормы" - трезвого реализма.

Иначе говоря, национальная психология, выкованная "молотом" российской истории, придавила либо дезориентировала именно те природные инстинкты индивида, которые особенно важны для хозяйственного развития, - инстинкты индивидуального самосохранения, присвоения, свободы, целесообразности, самовыражения. Однако такая психология явилась не только продуктом, но и предпосылкой многовековой борьбы российской нации за выживание, формирование и расширение. На почве закона, уважения прав личности, приоритетности индивидуальной свободы и частной собственности вряд ли можно было выстраивать национальную государственность, оставаясь колонией Золотой орды, выстоять в изнурительной борьбе на западных и южных границах, превратить Поволжье, Северный Кавказ, Среднюю Азию из источников угрозы российской безопасности в соучастников общего развития.

То, что И. Бунин (и Л. Толстой, М. Горький и многие другие) именовал шаткостью, неустойчивостью русского характера, с широкой исторической точки зрения можно оценить как разнообразие, гибкость и подвижность, но в определенных пределах, продиктованных историческим процессом. Умиляться, конечно, нечему, но и сожалеть не приходится. Чем богаты, тем и рады, а чего Бог истории не дал - на том простите. Но ставить точку на сказанном нельзя, ведь остаются по меньшей мере два вопроса: обвинение Бунина, считавшего, что значительная часть русского народа, если не большинство его - по психологии своей разрушители; и не менее тяжкое обвинение

Павлова в том, что русские не способны самостоятельно осмысливать реальную жизнь. "Окаянные дни" и годы разрушительной Гражданской войны, навязанных коллективизации и индустриализации давали обоим выдающимся россиянам основание для таких выводов. Однако они оба допустили роковую ошибку: то, что они непосредственно наблюдали, было проявлением не российского национального характера, а общечеловеческого психологического заболевания под названием "революция". Чтобы понять суть массового революционного менталитета, необходимо обратиться опять-таки к работам П. Сорокина.

Именно он показал: революции зарождаются тогда, когда в результате длительного угнетения базовых инстинктов значительной части населения его поведение начинает управляться не исторически сложившимися психологическими нормами, а непосредственно природными рефлексам. Иными словами, историческая "кольчуга" национальных норм прорывается, происходит "биологизация" социального поведения, люди предстают в новом, ранее им самим неизвестном виде. И здесь действительно стираются различия между немцем, французом и русским: революционный француз - примерно то же самое, что и революционный россиянин или венгр. При этом революция вытягивает в сферу непосредственного действия биосоциальных сил и своих врагов - контрреволюционеров. В этом и состоит объективный смысл восклицания Бунина "...Во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?" .

Питирим Сорокин, обосновывая свои выводы всеохватывающим историческим материалом, писал относительно революционных периодов: "Исчезновение большинства привычек, препятствующих удовлетворению репрессированных врожденных инстинктов, означает освобождение их от множества тормозов и способствует высвобождению их. В то же время это означает и ослабление условных рефлексов, которые ранее сдерживали все же человека от совершения определенных актов насилия подобно воровству, убийствам, святотатству и т.п." .

Как было отмечено выше, Сорокин не считал возможным выделять особый национальный фактор, рассматривал революционную психологию как разрушение общих цивилизационных этических норм. Однако в реальной истории эти нормы вырабатываются в контексте конкретной национальной психологии и в "чистом виде" могут лишь провозглашаться, но не действовать. Если условно принять в качестве таковых норм известные заповеди христианства (условно, поскольку существуют еще сходные заповеди буддизма, ислама и др.), то вряд ли можно в истории найти хотя бы одну страну или даже общину, где они когда-либо полностью выполнялись. Но они действуют в той мере, в какой "вплетены" в конкретную "ткань" национальных норм поведения ("ткань" условных рефлексов). И разрываются они вместе с этой "тканью". "Страшная правда" о человеке-разрушителе, поведением которого можно легко манипулировать, - это и есть правда о психологических основах социальной революции. Если эта революция глубока и длительна, если она сопровождается гражданской войной, то она способна вызвать ряд необратимых сдвигов в массовой психологии. Определенные черты национального характера могут быть утрачены либо ослаблены, другие - усилены, могут появиться и новые черты. В национальной психологии укореняются не только рубцы, но и незаживающие раны, причем не только массовой вины, но и столь же массовой обиды, латентного ожесточения. В нравственном отношении подобные революции - действительно "локомотивы" истории, но движущие

цивилизацию назад.

Сорокин описал механизм психологических сдвигов после "революционного прорыва": "Человеческое поведение отныне развивается по биологическим законам.

Репрессированные инстинкты, разрушившие условные фильтры поведения, начинают оказывать давление на все остальные инстинкты. Баланс равновесия между ними исчезает, а инстинкты, на которые оказывается давление, смещаются. Это приводит к новой серии сдвигов в условных рефlekсах и вызывает еще большую "биологизацию" поведения людей, дальнейшую расторможенность в совершении антисоциальных актов". С точки зрения предложенной нами классификации врожденных инстинктов можно представить, что инстинкты индивидуального выживания в этих условиях подавляют инстинкты развития (свободы, самовыражения и др.), а также определенные социальные инстинкты - сострадания, иерархии, освобождая в то же время стадный инстинкт.

Для революционного взрыва, отмечает Сорокин, мало одних подавленных инстинктов, необходимо еще и отсутствие мощного, эффективного сопротивления властей и правящих кругов. "Практически все дореволюционные правительства несут в себе характерные черты анемии, бессилия, нерешительности, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности, а с другой стороны - распущенности, коррупции, безнравственной извращенности и т.д." Вырождение элиты общества - это, по Сорокину, вторая причина революций, причем ее появление не случайно, а закономерно. "Вырождение власти правящих классов, если их положение исключительно и кастообразно, рано или поздно становится неизбежным. Вызвано это действием биологических и социальных факторов".

Своеобразный тест: к какой эпохе и стране можно отнести слова: "В стране нет рулевого. Где же он?.. Может, он уснул?.. Правитель утратил свою силу и долее уже не поддержка нам." Годы ли это Николая II, Керенского, Черненко, Горбачева или позднего Ельцина? Ответ: это Сорокин цитирует комментарий Ипувера о власти фараона накануне египетской революции эпохи Среднего царства, то есть 3,5-4 тысячи лет назад.

Здесь у Сорокина речь идет фактически о самостоятельной исторической роли сложившихся институциональных форм нации и о тех социальных слоях, которые непосредственно эти формы призваны поддерживать. Их вырождение, разложение и раскол означают крах государства, а вместе с ним (при наличии подавленных базовых инстинктов значительной части населения) - и невозможность цивилизованных преобразований. "Если правительство и группы, стоящие на страже порядка, не способны предотвратить распад, "революция" в поведении людей наступает незамедлительно: условно принятые "одежки" цивилизованного поведения мгновенно срываются, а на смену социуму на волю выпускается "бестия". Но как только видоизменяется тип поведения масс, то неизбежно с этим меняется и весь социальный порядок". Иными словами, надежды на то, что революция может быть цивилизованной - опасная иллюзия и прельстительный обман.

Кризис XX века и экономические реформы

О теории социокультурной динамики Питирима Сорокина написано много, но, к сожалению, вне связи с его исходной концепцией базовых и условных инстинктов. Может быть, такой связи вообще не существует?

В итоговой работе "Кризис нашего времени" (1941 г.) Сорокин пишет: "Современные концепции человека представляют его как вид "электронно-протонового агрегата", "комбинации физико-химических элементов", "животного, находящегося в близком родстве с обезьяной", "рефлексирующего агрегата", разновидность отношения типа "стимул - реакция", "специально отрегулированного механизма", психоаналитическим либидо, по преимуществу бессознательным или полусознательным организмом, контролируемым пищеварительными или экономическими потребностями; или как homo faber, производящего различные орудия и инструменты. Без сомнения, человек суть все это. Но исчерпывается ли этим вся его природная сущность (курсив мой. - Ю.О). В отличие от Фрейда, Маркса, Парето и др. Сорокин рассматривает специфическую природу человека как "воплощение надорганической энергии, мысли, совести, сознания, рациональной воли" и считает "именно эти силы ... творцами всех исторических событий и создателями культурных ценностей".

Итак, с одной стороны человек - биологический организм, с другой - "дитя Бога", и данное противоречие обуславливает великие социокультурные циклы человеческой истории. Преобладание в обществе физического, чувственного начала каждый раз заводило его в кризисный тупик, и тогда оно сменялось односторонним преобладанием идеационального (религиозного) начала, которое подавляло материальные потребности - цикл возобновлялся. За три тысячи лет истории Запада такая смена произошла четыре раза. Кульминация кризиса очередного общества, построенного на преобладании чувственной культуры, пришлась на XX в. Еще в работах 20-30-х годов Сорокин вопреки мнению большинства западных социологов предсказывал, что "войны и революции не исчезают, а, напротив, достигнут в XX веке беспрецедентного уровня, станут неизбежными и более грозными, чем когда бы то ни было ранее...". Сорокин выступил против тех, кто видел суть кризиса "в противопоставлении либо демократии и тоталитаризма, либо капитализма и коммунизма, либо национализма и интернационализма, деспотизма и свободы или же Великобритании и Германии." И далее: "Исходя из такой оценки, эти диагносты назначают и соответствующее лечение - легкое или более радикальное изменение экономических условий, начиная с денежной реформы, реформы банковской системы и системы социального страхования, кончая уничтожением частной собственности".

Сорокин видел суть кризиса в "распаде основополагающих" форм западной культуры и общества последних четырех столетий", в том, что "одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется".

Парадокс общества, ориентированного на чувственные ценности, заключается в том, что оно оказывается не в состоянии удовлетворить как духовные, так и материальные потребности большинства населения. "Только в некоторые периоды человеческой истории миллионы людей были такими же несчастными, незащищенными, голодными и обездоленными, как в настоящее время от Китая до Западной Европы".

Наука, принципы которой базируются на ценностях чувственной культуры, оказывается бессильной указать выход из тупика. "Чем больше экономистов вмешиваются в экономику, тем хуже она становится; чем больше политологов участвуют в реформировании государства, тем больше правительство нуждается в реформе...". То же относится к социологам, психологам, антропологам, юристам и т.д. "Накануне войны большинство ученых предсказывали мир; накануне краха и обнищания - "большее и лучшее" процветание; накануне революций - стабильный порядок и закономерный

прогресс. Часто пути и способы, рекомендуемые от имени науки для устранения нищеты, войны, тирании, эксплуатации и других социальных пороков, на самом деле способствовали их усилению..." .

Мы далеки от того, чтобы излагать здесь либо анализировать грандиозную теорию социокультурной динамики Сорокина. Но и приведенного достаточно, чтобы определенно ответить на сформулированный выше вопрос о связи данной теории с концепцией базовых и условных инстинктов: согласно Сорокину, общество, сложившееся на основе ценностей чувственной культуры, является настолько антагонистичным, что оно подавляет базовые инстинкты больших масс людей, вызывает войны и революции, а наука такого общества способна лишь дезориентировать. Выход из кризиса и, более того, из периодической разрушительной смены социокультурных циклов Сорокин видел в выработке и усвоении интегральной системы ценностей и основанной на ней интегральной культуры, объединяющей идеациональную (религиозную), идеалистическую (полусветскую) и чувственную культуры. Интегральная система должна исходить из примата духовных ценностей над материальными, из гармонии индивидуальных интересов. Она устанавливает абсолютные общечеловеческие ценности, по существу, ориентирована на реализацию в общественном устройстве ценностей христианской этики .

Опирающиеся на собственные теоретические разработки прогнозы, сделанные П. Сорокиным еще в начале 20-х годов, в отношении истощения психофизической энергии масс и установления диктатур и вскоре - о продолжении тура войн и революций полностью оправдались. Его общие выводы из теории социокультурной динамики удивительно близки стратегической линии реформирования западного общества после второй мировой войны.

Известно, что эта линия на протяжении первых трех послевоенных десятилетий наилучшим образом отражена в кейнсианской теории, социокультурным и философским основам которой на Западе уделяется теперь все больше внимания . Кейнс отбросил как непригодный "чувственный" базис неоклассической теории - индивидуальную полезность, а вместе с ней и естественно-детерминистически вытекающую из нее концепцию рыночного равновесия при полной занятости. Он принял принципиально иную основу теории - неустойчивые коллективные психологические склонности, диктующие вероятностный подход к экономическим явлениям и объясняющие перманентную тенденцию к неравновесию, неполной занятости и несправедливому разрыву в доходах. Отсюда следовал вывод о том, что вопреки неоклассикам стихийный рынок не способен реализовать главные ценности западной цивилизации - индивидуальную свободу и справедливость, защитить достоинство человека и его собственность.

Названные ценности должны быть "имплантированы" в экономику извне - через регулирующую роль государства и созданную для этого систему институтов. Тем самым хозяйственная трансформация трактовалась как целенаправленное видоизменение реальной системы с ориентацией на ее максимальное приближение к некоему идеалу, воплощающему базовые гуманистические социокультурные ценности. Именно эта "идеалистическая" (по сути своей сорокинская) модель трансформации была в той или иной мере успешно реализована в развитых странах Запада в указанный период. Однако она в итоге оказалась недостаточно гибкой по отношению к меняющимся техническим, демографическим, международным и иным условиям.

После этого произошла сравнительно краткая, но энергичная частичная монетаристская реставрация неоклассического "чувственно-го" подхода, согласно которому трансформация трактуется как "сле-пой" процесс стихийной рыночной конкуренции отдельных институ-тов и их выживания в зависимости от сравнительной эффективнос-ти. Эта реставрация на практике закончилась провалом монетаристских реформ в России и других странах СНГ, чикагско-латиноамериканским финансовым кризисом. На авансцену вышли новоинститу-ционалистские подходы к хозяйственной эволюции, пытающиеся (на наш взгляд, пока малорезультативно) примирить неоклассическую и кейнсианскую трактовки процессов трансформации .

Можно ли применить теории Сорокина для осмысления тех катастрофических процессов, которые продолжаются в. нашей стране и обществе на протяжении почти полутора десятилетий? Если говорить не о формальных лозунгах, а о реальных отношениях, то, как нам пред-ставляется, это - понимание кризиса прежде всего как крушения определенной системы ценностей, которую Россия в 1917 г. противопоставила "чувственным" ценностям Запада. Причем вначале с почти общепризнанным успехом. Теперь становится ясно, что система ценностей госсо-циализма - не лозунговая, а реально воплощенная - была неким суррогатом средневековой религиозной системы с поклонением троице -всезнающей, всемогущей и всеблагой Партии, всепожирающему Молоху гонки вооружений и Великим стройкам коммунизма. На этом и базировался централизованный хозяйственный строй госсоциализма. Главные символы веры системы оставались непоколебимыми до по-следних ее дней и опирались прежде всего на противопоставление за-падному Сатане в образе Империализма, Эксплуатации и Загнивания.

Послевоенная социокультурная трансформация Запада и систе-матическое ограничение творческих потенций и потребностей челове-ка на Востоке и были причиной глубокого и массового разочарова-ния в госсоциализме. Но какая система ценностей способна служить реальной заменой прежней? И что предлагается россиянам на деле?

На современной ступени мировой культуры единственно жизнеспособными могут быть лишь сочетание материальных и духовных ценностей с приоритетом последних, реализация прав и свобод личности с приоритетом социальной справедливости, баланс развития личности и общества. То, что реально предложили российские реформаторы, есть лишь карикатурный плагиат полуотвергнутой на За-паде примитивной "чувственной" культуры.

Навязываемая либерал-реформаторами система ценностей, которая уже привела к ряду катастроф на Западе в первой половине XX в., на закате века вызвала аналогичную катастрофу и в России. В течение полутора десятилетий реформ на базе этих ценностей в стра-не создан социально-экономический строй, все более жестко и разру-шительно подавляющий фундаментальные потребности и инстинкты широких слоев населения. Повальная коррупция, разврат и маразматическое бесплодие "правлящей элиты" - это другая сторона данной "культуры". Налицо, по Сорокину, вечные классические предпосылки надвигающейся революции и гражданской войны, грозящей надолго похоронить Россию как цивилизованное государство.

Трагедия в том, что отторжение все большей частью населения либе-рал-реформаторской (чувственной) системы ценностей и соответствующей экономической политики толкает его к принятию не интегральной - по Сорокину -

системы ценностей, а лишь модернизированного варианта уже "забракованного" историей идеационального госсocialизма.

Исходя из теории и метода Питирима Сорокина, мы можем сделать вывод, что альтернатива, перед которой стоит современная Россия, такова. Либо противоборствующие социально-политические силы смогут отрешиться от узкопартийных, клановых интересов и выработать интегральную систему ценностей, обращенную в равной мере к каждому россиянину, воплотить ее в принципиально новую экономическую стратегию и повседневное действие, либо в психофизических основах поведения больших масс людей произойдет структурный сдвиг, оно станет биологизированным и со всякими системами культурных ценностей будет надолго покончено. На арену выйдет безжалостный экстремизм различных форм и окрасок, и национальные культурные ценности будут отброшены вместе с общечеловеческими. Читателю судить, насколько правдоподобна такая "модель". Легче всего, конечно, назвать ее "чересчур мрачной". Напомним только, что в 20-30-е годы оптимистичное и остроумное большинство ученых именовали Сорокина "Кассандрой". Однако именно его методология оказалась реалистичной.